

[Рец. на: / Review of:] **О. Ю. Инькова** (ред.). *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. 368 с. [O. Yu. Inkova (ed.). *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectives: A contrastive study]. Moscow: TORUS PRESS, 2018. 368 p.]. ISBN 978-5-94588-233-1.

Вера Исааковна Подлеская

Vera I. Podlesskaya

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
vi_podlesskaya@il-rggu.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
vi_podlesskaya@il-rggu.ru

Благодарности: Рецензия написана в рамках проекта, поддержанного РФФ, грант № 17-18-01184.

Acknowledgements: The study is supported by the RSF grant No. 17-18-01184.

DOI: 10.31857/S0373658X0006290-8

Рецензируемый труд объединяет под своей обложкой лексикографические портреты шести русских слов — *a, вообще, если (то / так), как, также, хотя* — и французского *sinon*. Все эти слова служат для экспликации связей между предикативными фрагментами (глагольными группами, клаузами и группами клауз) в структуре дискурса; авторы используют для них общий функциональный ярлык «коннекторы», снимая необходимость уточнять их грамматический класс, который варьируется (союз, частица, местоименное наречие и др.). Уникальность этих портретов состоит в том, что они опираются на контрастивный анализ: значения коннекторов описываются через призму их переводимости на другие языки, русских — на французский и итальянский, французского — на русский. Эмпирической базой анализа являются две пары параллельных корпусов НКРЯ: русско-французский / французско-русский и русско-итальянский / итальянско-русский.

В работе решается два круга задач: дескриптивные и методологические. Дескриптивная часть направлена на создание детализированных эмпирически обоснованных лексикографических описаний, содержащих как качественный анализ значения и употребления языковой единицы, так и количественный анализ ее встречаемости в разных значениях и дистрибуции ее возможных переводов. Методологическая часть направлена на демонстрацию возможностей предлагаемого квантитативного метода контрастивного корпусного исследования и на открывающуюся с его использованием возможность объективировать понятие «лингвоспецифичности».

В неизбежно упрощенном виде лабораторию измерений лингвоспецифичности можно представить так. Для каждого задокументированного в параллельном корпусе входа исследуемой единицы (в данном случае — для каждого употребления коннектора) формируется так называемая «моноэквиваленция», т. е. пара «отрезок исходного текста, содержащий данную единицу» и «отрезок переводного текста, содержащий ее функционально эквивалентный фрагмент» (контекстно обусловленный переводной эквивалент). Моноэквиваленции формируют надкорпусную базу данных — основной инструмент анализа. В базе анотируются важнейшие свойства функционально эквивалентного фрагмента: соответствует ли в нем исходному коннектору также коннектор или единица другого класса; если имеется коннектор, то как соотносится его значение с исходным (шире? уже?); есть ли вообще в переводе дискретная единица, соответствующая коннектору, или эквивалентность формируется контекстом и т. д. Когда сформировано достаточно представительное множество вхождений коннектора с их анотированными моноэквиваленциями, то открывается возможность получить метрики лингвоспецифичности данного коннектора. У лингвоспецифичных коннекторов выше показатель разнообразия переводов;

выше доля так называемых «дивергентных» переводов (т. е. переводов не с помощью коннектора, а иных); выше доля так называемых «нулевых» переводов (т. е. переводов, в которых вклад коннектора в исходном языке при переводе не эксплицируется ни лексически, ни грамматически) и т. д. Всем этим долям могут быть приписаны точные числовые значения. Таким образом, лингвоспецифичность оказывается измеряемым параметром относительно фиксированной пары языков и фиксированного параметра. Например, в паре «русский → французский» русский союз *если* оказывается низко специфичным коннектором по признаку «доля нулевых переводов» — она составляет менее 5%. Для сравнения, коннектор *вообще* в той же паре языков имеет долю нулевых переводов 17,68%, а в паре «русский → итальянский» и вовсе 25%. Так что этот коннектор демонстрирует достаточно высокий уровень лингвоспецифичности — по данному параметру для данных пар языков.

Все семь лексикографических портретов — глав в книге включают три блока сведений: историю вопроса, качественный анализ и количественный анализ. Во всех главах в экспозиции скрупулезно анализируются данные словарей, теоретические и описательные работы. Далее следует качественный анализ значения коннектора и контекстных условий его употребления. Анализ опирается как на интроспекцию авторов, так и на материал НКРЯ, привлекаемый здесь, прежде всего, в иллюстративных целях. В этой части мы обнаруживаем немало проницательных наблюдений и лексикографических открытий. В качестве примера приведу очень убедительный анализ оппозиции *как vs. что* в качестве комплементаризеров при глаголах пропозициональной установки. Предлагаемая опора на семантическое противопоставление факта и события (вслед за работами Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой) позволила объяснить не только дистрибуцию изъяснительных контекстов, но и то, что составные временные союзы (*перед тем, как...*, *после того, как...* и т. д.), а также временные конструкции (*не успел Р, как...*) систематически включают в себя форматив *как*, а не *что*. Добавлю также (хотя сами авторы об этом не упоминают), что предлагаемое решение обладает типологической валидностью: в целом ряде языков мира (японском, например) средства, вводящие сентенциальный актанта, имеют распределение, сходное с обнаруженным для *как vs. что*. В разделах, посвященных качественному анализу, авторам приходится не только брать ответственность за конкретные дескриптивные решения, но и давать ответы на общие теоретические вопросы. Так, сквозной теоретической проблемой, обсуждаемой на протяжении всей книги, является уточнение номенклатуры семантических отношений, которыми связываются предикативные фрагменты в локальной структуре дискурса (в терминологии теории риторических структур — «риторических» отношений). К этой проблеме по-разному подходят с позиций дискурсивного анализа, с позиций типологии полипредикативности, с позиций компьютерного моделирования структуры текста и т. д. В данном случае предлагается нетривиальный подход с позиций контрастивного анализа тех языковых единиц, которые эксплицируют эти отношения.

Наконец, третий, кульминационный блок в каждой из глав посвящен квантитативному анализу коннектора по данным параллельных корпусов.

Описания коннекторов различаются и по глубине проработки материала, и по уровню детализации, да и просто по объему. Поскольку в описания входят не только изолированные употребления коннектора, но и целые кластеры, включающие соответствующий формальный элемент (не только *как*, но и *так...* *как*, не только *если*, но и *если... то* и *если... так* и т. д.), более объемными оказываются те разделы, где изучаемый кластер представлен большим разнообразием вариантов и где коннекторы обладают большей семантической вариативностью.

Два самых объемных раздела в книге посвящены коннектору *как* и его двухместным вариантам (авторы Ирина Кобозева, Ольга Инькова¹) и союзу *а* (Анна Зализняк, Ирина

¹ Любопытно, что авторы в «теле» монографии представлены не в формате «имя-отчество плюс фамилия» или «инициалы имени-отчества плюс фамилия», а в европейской манере — имя плюс фамилия. Рецензенты же и обладатели авторского права на авантитуле сохранили отчества в инициалах.

Микаэлян). Последний раздел, помимо всего прочего, снабжен многостраничным приложением, в котором приведены 140 примеров употребления союза *a*, полученных методом сплошной выборки из первых пяти глав романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Для каждого примера приведены итальянский и французский переводы, проаннотирован вариант употребления союза (внутри иллокуции, в начале диалогической реплики, в начале вопроса и др.) и тип логико-семантического отношения, который эксплицирован союзом (нейтральное сопоставление, контрастное сопоставление, несоответствие и др.). Эти два раздела фактически представляют собой монографические описания соответствующих коннекторов. Чуть менее подробны разделы про коннектор *вообще* и эксплицируемое им значение генерализации (Ольга Инькова) и про союз *если* и дистрибуцию вариантов *если... то* и *если... так* (Анна Егорова). Заключительные разделы про *также* (Наталья Попкова), *хотя* (Виталий Нуриев) и французское *sinon* (Надежда Бунтман, Ольга Инькова) несколько более лапидарны.

Предлагаемый квантитативный подход имеет некоторые ограничения.

Прежде всего, они связаны с объемом и составом используемых параллельных корпусов. Так, русско-французский параллельный подкорпус имеет около 2 200 000 словоупотреблений в версии 2017 г., которой пользовались авторы (на сегодняшний день он несколько больше — около 2 700 000 словоупотреблений), но главное, он очень слабо сбалансирован: в нем на сегодняшний день представлено всего 25 произведений, из которых половина — русская классика. Во французско-русском параллельном подкорпусе меньше миллиона словоупотреблений и всего 14 произведений-источников, из которых только три принадлежат двадцатому веку, остальные — девятнадцатому. В паре языков русский / итальянский цифры чуть выше, но порядок тот же.

Разметка моноэквиваленций требует индивидуальной творческой работы эксперта очень высокого уровня (каковыми являются авторы монографии!). Это заведомо означает, что на вход количественной обработки поступает весьма незначительный объем данных: таблицы по отдельно взятым коннекторам оперируют обычно не более чем двумя-тремя сотнями речевых реализаций, т. е. в случае более редких коннекторов (например, *вообще*) столько вхождений и обнаруживается в корпусе при сплошной выборке, а в случае более частотных коннекторов (например, *если*) в базе данных аннотируется только часть обнаруженных вхождений (для *если* — около 10%). Тем самым, возрастает опасность, что вклад отдельных интерпретационных решений может искажающе повлиять на общую картину. Приведу один пример. На с. 302 (раздел «Французский коннектор *sinon*») приводится фрагмент с переводом на французский язык: *В бельэтаже послышался голос: Ты чего хватаешь? Это моя! ко мне летела!, и другой голос: Да ты не толкайся, я тебя сам так толкну!* [М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)] // *Au premier balcon, une voix lança: — Hé, laisse ça! C'est à moi! Il a volé vers moi! — Touche pas, sinon c'est moi qui vais te toucher!* [Trad. par Claude Ligny (1968)]. Для этой пары предлагается считать, что у *sinon* во французском переводе нулевой стимул, т. е. в русском оригинале значение отрицательной альтернативы не эксплицировано, «оно передается смысловым соотношением фрагментов текста». Однако, как кажется, здесь возможна и другая интерпретация: считать, что это значение эксплицируется эмфатическим контрастным рефлексивом *сам*. Переводчик «заметил» этот рефлексив: не случайно он использует клефт («это я, кто тебя толкнет»). Разумеется, контрастный рефлексив — не самый частотный феномен, и вряд ли вариативность таких решений существенно повлияет на окончательную оценку доли нулевых переводов или переводов с нулевым стимулом, но в целом, при небольшом объеме выборки вклад отдельного экспертного решения может опасно повышаться.

Есть и некоторые более частные вопросы к подсчетам, которые предъявляются читателю. Так, в разделе «*Если, если... то, если... так*» для сравнительной оценки степени «разговорности» *если... то* и *если... так* приводятся данные о распределении этих коннекторов в контекстах с прямой и косвенной речью. Из таблиц следует, что 65% случаев *если... то* (42 из 65 обследованных моноэквиваленций) и 76% случаев *если... так* (22

из 29 обследованных моноэквиваленций) встречаются внутри прямой речи. Это могло бы свидетельствовать о том, что данные коннекторы обладают высоким уровнем «разговорности», если бы не два «но». Во-первых, обследованная выборка невелика, но главное, во-вторых: мы не знаем доли прямой речи в общем объеме обследованных текстов. Если окажется, что она систематически выше доли косвенной речи, то обнаруженное распределение просто проецирует эту пропорцию и ничего не говорит о стилистических свойствах самих коннекторов.

Еще один вопрос, более общего характера, связан с установкой на кластерное описание коннекторов в надкорпусной базе данных. Как отмечается во вводном разделе «Лингвостецифичность коннекторов: методы и параметры описания» (Ольга Инькова), «...каждая речевая реализация, исходя из ее состава, включается в кластеры составляющих речевой реализации. Так речевая реализация *да и вообще* включается одновременно в кластер *да*, кластер *и* и кластер *вообще*. Соответственно, эти три кластера составляющих будут включать все зафиксированные в надкорпусной базе данных речевые реализации с элементом *да, и и вообще*» (с. 11). Такой подход представляется в высшей степени продуктивным, он обеспечивает большую прозрачность и системность при сопоставлении составных коннекторов. Однако в конкретных лексикографических решениях, представленных в монографии, иногда не хватает выхода в соседние кластеры. Например, при анализе составного коннектора *если... так* справедливо упомянуты, в числе прочих, следующие его свойства: (а) допускает реальность протазиса и в этом смысле близок к *раз* (*Если меняешь меня на немца... так я к тебе больше ни ногой*, ср.: *Раз меняешь меня на немца...*); (б) (прямо следует из а) в переводах может передаваться коннектором со значением причины; (в) допускает иллюкутивную неоднородность протазиса и аподозиса, в том числе допускает аподозис в императиве (*Я пришел, и если вам надо что, так спрашивайте*). Можно предположить, что все эти свойства связаны с тем, как ведет себя *так* в качестве одноместного коннектора. В частности, *так* может использоваться в качестве маркера следствия, причем в разговорной речи — в качестве маркера следствия из реальной ситуации, которая предположительно должна быть известна адресату (*Почему Вани нет? — Так он еще вчера заболел!*). Если бы читатель имел возможность оценить место *если... так* не только внутри кластера «если», но и внутри кластера «так», то у него бы могла сложиться более полная картина. Понятно, впрочем, что соображения объема монографии и стройности ее композиции могли помешать представлению всех смежных кластеров.

Понятно также, что при указанных ограничениях полученные квантитативные результаты могут не обеспечить статистической значимости, однако они дают адекватное представление об имеющихся количественных тенденциях, которые убедительно подкреплены глубиной качественного анализа, масштабом эмпирической базы, пронизательностью наблюдений. Некоторые частные количественные выводы коррелируют с данными из независимых источников. Так, в монографии приводятся сведения о том, что инициальное *a* (т. е. союз, открывающий новую иллюкуцию) составляет по разным выборкам от 31,5 % до 36 % вхождений союза. Этот результат хорошо согласуется с результатами, которые приведены в [Подлеская 2018] по параллельному корпусу устных и письменных личных рассказов в составе коллекции [Spokenoiproga 2018]: в письменном подкорпусе *a* с заглавной буквы составляет 44,7 % всех вхождений *a*, а в устном подкорпусе доля *a* после фрагмента, который реализуется с просодической завершенностью (устный аналог инициального *a*), составляет 37,6 %. Сходство тенденций очевидно.

С позиций корпусной лингвистики рецензируемую работу следует числить и по разряду “corpus-based”, «основанных на корпусе», т. е. использующих корпус в качестве эмпирической базы, и по разряду “corpus-driven”²: в ней есть важнейшие результаты, которые в принципе не могли бы быть получены вне корпуса. К числу последних следует

² О противопоставлении “corpus-based” и “corpus-driven” исследований см., например, [Копотев, Мустайоки 2008].

отнести, в первую очередь, внедрение объективных количественных метрик лингвоспецифичности. На фоне потока околону научных спекулятивных публикаций о «языковой картине мира» рецензируемый труд выглядит утешающим образцом теоретической взвешенности и методологической стройности. Это настоящая эмпирическая лингвистика. Нет сомнений, что среди специалистов по теории дискурса, грамматике и семантике полипредикации, лексикографии, контрастивной лингвистике эта книга найдет благодарных читателей. К ним себя относит и рецензент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Коптев, Мустайоки 2008 — Коптев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика. *Инструментарий русистики: корпусные подходы*. Хельсинки: Helsinki Univ. Press, 2008, 7–24. (Slavica Helsingiensia. № 34.) [Kopotev M., Mustajoki A. Contemporary corpus-based Russian linguistics. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2008, 7–24. (Slavica Helsingiensia. No. 34.)]
- Подлеская 2018 — Подлеская В. И. «А у нас в квартире газ! А у вас?»: Конструкции с союзом А по данным просодически размеченного корпуса. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 17 (23). М.: Изд-во РГГУ, 2018, 601–618. [Podlesskaya V. I. “A u nas v kvartire gaz. A u vas?”: The Russian conjunction a viewed through the prism of prosodically annotated corpus data. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Issue 17 (23). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2018, 601–618.]
- Spokencorpora 2018 — *Prosodically annotated corpus of Spoken Russian* (PrACS-Russ). Pilot version. URL: <http://spokencorpora.ru>.

Получено / received 02.02.2019

Принято / accepted 14.05.2019